

Сяо Лай смотрела на него и думала: он и вправду снова сходит с ума.

Шан Сижуй был вне себя от внезапного счастья и ни о чём другом не думал. А вот Чэн Фэнтай на обратном пути чувствовал некоторую тревогу, размышляя, что он сознательно идёт навстречу опасности. Шан Сижуй — что это за человек? Если уж за что-то берётся, то становится одержимым, безумным, неумолимым — разве с таким можно связываться?

В Бэйпине, да и во всём Китае, были тысячи актёров, с которыми он мог бы иметь дело, но только не с Шан Сижуюем. Или, может, можно было бы заплатить за мимолётную связь, но влюбляться — ни в коем случае. В этом мире, будь то чиновники и богачи, знаменитые актёры и куртизанки, и даже замужние дамы и девицы на выданье — все, кто имел хоть немного денег и власти, творили что хотели, а мораль и этика годились разве что для простолюдинов, для них же всё это было пустым звуком. Внешне все они выглядели респектабельно и блистательно, но копни — внутри давно сгнили и разложились. Однако даже в беспорядочных связях существовали свои правила, не выходящие за рамки четырёх вещей: жажды богатства, стремления к власти, влечения к красоте и погони за славой. Пока укладываешься в эти четыре категории — не выходишь за рамки, как бы ни путался, всегда можно найти выход, и даже в беспорядке есть своя система. А если выходишь за эти рамки, как сейчас Чэн Фэнтай с Шан Сижуюем, где нет ни корысти, ни жажды власти, ни страсти к красоте или славе, а лишь искренняя душевная привязанность, — тогда будущее туманно, и неизвестно, обернётся ли всё добром или злом.

Чэн Фэнтай подумал о своей сестре и шурине, о жене и свояченице, а также о недавно найденных двоюродных брате и невестке — все его близкие родственники и друзья были так или иначе связаны с Шан Сижуюем сложной паутиной любви и ненависти. Если однажды всё вскрыется, проблем будет не оберёшься.

Чэн Фэнтай закинул ногу на ногу и закурил в машине сигарету. От переулка Бэйлогу до Наньлогу на машине — всего мгновение, он даже не успел сделать и пары затяжек, как Старина Гэ уже открыл ему дверь.

Чэн Фэнтай вышел, бросил недокуренную сигарету на землю и раздавил её каблуком. В общем, сейчас он просто любил этого юного актёра, любил так, что не мог ни есть, ни спать спокойно, пока не прижмёт его к себе. А какие будут проблемы потом — какая разница.

Раз уж второй господин Чэн серьёзно взялся ухаживать за актёром, то и делать это надо было соответственно. Шан Сижуй был парнем, играющим китайскую оперу, с детства изображавшим на сцене древних героев, и от него веяло изящным, утончённым духом старины, что сильно отличалось от тех озападных танцовщиц и кинозвёзд, с которыми Чэн Фэнтай имел дело раньше. Но будь то актёры-мужчины или актрисы, местные или иностранные, способы ухаживания за ними в целом были одинаковы. Чэн Фэнтай, пройдя сквозь множество цветов, давно изучил эти приёмы вдоль и поперёк. На каждый спектакль Шан Сижуюа он заказывал пять-шесть больших корзин с цветами, которые выставлялись по обе стороны от входа в Большой театр Цинфэн, а в подписи значилось лишь два иероглифа: «Второй господин». После нескольких дней таких подношений Шан Сижуй, никогда не придававший особого значения внешней помпезности, лишь поблагодарил, не проявляя особого восторга, зато шурин Фань Лянь пришёл в ярость.

Второй господин Фань подкараулил Чэн Фэнтай в одиннадцать утра, застав того в постели — если прийти раньше, тот ещё не проснётся, позже — уже уйдёт. Чэн Фэнтай в последнее время даже в карты не играл, каждую ночь изливая душу Шан Сижую, подолгу беседуя с ним до самого рассвета. В такую стужу они гуляли у Хоухая, красные от холода носы и уши, и всё не хотели расходиться, словно им ещё было о чём поговорить, а домой возвращались уже под утро. Сейчас Чэн Фэнтай пребывал в полудрёме, услышав, как кто-то вошёл в комнату, он решил, что это слуга, и хрипло произнёс:

— Принесите мне горячее полотенце.

Фань Лянь сел на край кровати, с лёгкой досадой уставившись на Чэн Фэнтай. Тот долго не дожидаясь действий, открыл глаза, увидел Фань Ляня, снова закрыл их и повернулся к нему спиной:

— Дела есть?

Фань Лянь мрачно произнёс:

— Говоришь, ухаживаешь за актёром, так при чём тут я?

Чэн Фэнтай невнятно промычал:

— В каком смысле?

Он точно не помнил, чтобы делился Шан Сижуюем со шурином.

Фань Лянь сказал:

— Даришь Шан Сижую цветы — и дари, но зачем писать «Второй господин»?

— А что не так с «Вторым господином»?

— Ты что, важная шишка? Даже фамилию поленился указать! Неужели в Бэйпине только ты один второй господин? Других что, нет?

Чэн Фэнтай медленно потянулся под одеялом:

— Ты тоже второй господин. Ну и что, второй господин?

Фань Лянь изложил суть дела, и вышло смехотворно. Оказывается, он выклянчил у Шан Сижую два билета на спектакль и пригласил туда модную студентку с художественными наклонностями, которая ему в последнее время нравилась. Прибыв в театр Цинфэн, они увидели у входа ряд корзин с цветами, подписанных «Второй господин», и как раз встретили знакомого повесу, который поздоровался с Фань Лянем. Поскольку рядом с ним была хорошенькая девушка, то и приветствие было двусмысленным, с подмигиваниями и усмешками. Студентка, увидев это, мгновенно всё перепутала в голове, связав с сюжетами из

любовных романов, подошла, дёрнула за ленту с подписью на корзине и спросила Фань Ляня:

— Фань второй господин, вы специально купили билеты на сегодня?

Фань Лянь ответил, что господин Шан лично их подарил.

Девушка спросила:

— А вы с господином Шаном давно знакомы?

Фань Лянь сказал:

— Очень давно, ещё со времён Пинъяна.

Девушка презрительно усмехнулась:

— Это, должно быть, правда. Я давно слышала, что второй господин Фань когда-то в Пинъяне ухаживал за Шан Сижуюем, но, к сожалению, Шан Сижуй любил Цзян Мэнпин и не обращал на вас внимания; позже Шан Сижуй перебрался в Бэйпин, а вы, не изменив своей преданности, последовали за ним за тысячу ли. Но вам не нужно было, ухаживая за ним, использовать меня, чтобы вызвать его ревность! Фань Лянь, вы меня презираете!

Девушка, разгорячённая собственными словами, швырнула ленту, развернулась и ушла, громко стуча каблуками, даже не сев в его машину. Фань Лянь проводил взглядом её удаляющуюся спину, молча поразившись причудливости и разнообразию слухов, а затем пошёл сводить счёты со своим шурином, застав того в постели.

Выслушав эту историю, Чэн Фэнтай чуть не умер со смеху. Он, как карп, выпрыгнул из-под одеяла, даже не накинув халат, и пошёл наливать себе чаю. Говорят, нет дыма без огня, но что это за слухи такие, семижды изогнутые, да ещё и втянувшие в эту историю его шурина? Если уж развивать мысль на основе фактов, то слухи о том, что между Шан Сижуюем и Чан Чжисинем есть какая-то тайная связь, ещё куда ни шло. Но Шан Сижуй и Фань Лянь — как это вообще в голову пришло? Он рассмеялся:

— Что бы там ни болтали, я верю, что вы с Шан Сижуюем чисты. Да, не бойся, я тебя бить не буду.

Фань Лянь подумал: «Да я бы тебя побил!» — и уже собрался огрызнуться, но в этот момент вторая госпожа, рассчитав, что Чэн Фэнтай уже должен проснуться, вошла со служанкой, чтобы помочь ему умыться и позавтракать, а заодно и пообедать. При сестре Фань Лянь, естественно, не мог ничего сказать, поэтому, сдерживая гнев, сел вместе с Чэн Фэнтаем перекусить и выпить. За едой он услышал, как сестра принялась его отчитывать:

— Младший брат, что ты опять затеял, из-за чего твой муж теперь каждый день возвращается домой под утро? Ложится спать — уже петухи поют. Это же совсем уже ни в какие ворота не лезет.

Вторая госпожа всегда чрезмерно опекала своего младшего мужа, и если у него что-то было не так, она срывалась на сопровождавшем его брате. На самом деле Фань Лянь из-за таких вещей, как поздние возвращения, уже не раз становился невинной жертвой, и это стало для него привычным делом, как ветер у уха. Но на этот раз оба, и шурин, и зять, действительно были нечисты на руку, да ещё и вина была нешуточная, поэтому, услышав эти слова, они слегка изменились в лице.

Чэн Фэнтай, отхлёбывая суп, искоса посмотрел на Фань Ляня и слегка кашлянул. Это означало: какие бы разногласия ни были между нами, всё это шутки, а перед сестрой нельзя раскрывать карты. Фань Лянь взглянул на него и, нехотя, собрался с духом, чтобы обмануть вторую госпожу. Та, как и раньше, легко поддавалась на обман; она, конечно, понимала, что Фань Лянь говорит не всю правду, но не придавала этому значения. В первые годы замужества она из-за ветреного нрава Чэн Фэнтая сильно злилась несколько раз, но после ссор он ненадолго исправлялся, а потом снова возвращался к старому. Теперь, с годами и рождением детей, её запал иссяк, да и они с мужем стали старой парой, которой даже ссориться уже не о чем. К тому же, у кого из больших семей хозяева не такие? Слишком много говорить об этом — только показывать, что жена недобродетельна и неразумна.

После еды вторая госпожа собрала посуду и вышла, и в комнате остались только шурин и зять. Фань Лянь, остыв, скрестил руки на груди, и они с Чэн Фэнтаем закурили послеобеденные сигареты. Вспомнив, как только что солгал сестре, он почувствовал редкое для себя чувство вины и сказал:

— Шурин, мне даже говорить не надо, ты и сам должен понимать, что Шан Сижуй не похож на тех, кто был у тебя раньше.

Чэн Фэнтай так и хотел похвалить его за проницательность и самодовольно ответил:

— Это, конечно, так.

<http://bllate.org/book/15435/1368576>